

Шэнь Цинжань сгреб в кучу сгнивший в труху грибной субстрат, искренне не понимая: он ведь просто поспал немного подольше, с чего вдруг соседняя комната превратилась в свинарник?

Воняло неимоверно.

Он мысленно молился, чтобы Сюэ Фэйфэн задержался еще дня на два-три, иначе объяснить это безумие будет ой как непросто. Казалось, каждый раз, когда Сюэ Фэйфэн оставлял его одного дома, всё обязательно заканчивалось какой-нибудь чертовщиной.

Лишь грибы «куриные ножки» у самого окна чудом избежали печальной участи. Их шляпки процветали пышными гроздьями. Шэнь Цинжань долго колебался — есть их или не есть? — пока трижды не пробормотал про себя мудрость: «Чист, хоть и рос из грязи». Лишь после этого он взял корзину, бережно сорвал грибы с брикетов один за другим и замочил их в колодезной воде.

Сгнившие грибы несколько раз были растоптаны о землю. Жижа, смешавшись с грязью, отвратительно чавкала под ногами — от одного этого звука у Шэнь Цинжаня мурашки бежали по коже.

Снаружи внезапно раздался голос Сюэ Фэйфэна. Рука Шэнь Цинжаня с лопатой замерла, и он, побледнев от ужаса, мгновенно захлопнул дверь.

Если Сюэ Фэйфэн узнает, что он превратил свой «будуар» в хлев, куда ему потом девать свое лицо?

Вдруг Сюэ Фэйфэн решит, что он замарашка и грязнуля? До того неряха, что у него в комнате грибы выросли?!

Шэнь Цинжань припер дверь спиной и, срывая с головы платок, чуть не лишился чувств от вездливости амбре. Отерев руки, он приоткрыл дверную щель и заискивающе улыбнулся мрачному Сюэ Фэйфэну.

«Не смотри! Я ничего такого не делал!»

Сюэ Фэйфэн, убедившись, что источник вони именно здесь, увидел, что с Шэнь Цинжань всё в порядке и та еще пытается включить дурачку. Не выдержав, он протянул руку и просто вытащил ее за порог.

Сюэ Фэйфэн, выдавший в этой жизни и бури, и штормы, вроде бы внутренне подготовился, но, узрев зрелище внутри комнаты, всё равно испытал немалый шок.

Шэнь Цинжань что, устроила у себя в спальне свинарник?!

В центре комнаты красовалась куча полусырой, не то гранулированной, не то волокнистой жижи, перемешанной с землей... Сюэ Фэйфэн вытянул шею и заглянул внутрь.

А где свинья?

От крайнего изумления Сюэ Фэйфэн сам не заметил, как ляпнул свою мысль вслух.

Поросенок Шэнь: «...»

Он с возмущенным сопением обошел Сюэ Фэйфэна, шагнул прямо к столу в главной зальной комнате, уселся и налил по чашке воды себе и Сюэ Фэйфэну.

«Сам ты свинья!»

Глядя на реакцию Шэнь Цинжана, Сюэ Фэйфэн обо всем догадался и с улыбкой произнес:

— Да не про тебя я. Что за беда у тебя в комнате? И где ты спала эти два дня?

Шэнь Цинжань с замиранием сердца подождал немного и, убедившись, что Сюэ Фэйфэн вовсе не сердится, тут же принялся жаловаться. Наклонив чашку, он вылил немного воды на стол и, обмакнув палец, написал: «Я хотел вырастить грибы».

Он метнулся на кухню и приволок миску с грибами «куриная ножка»: смотри!

Сюэ Фэйфэн на мгновение лишился дара речи, изо всех сил пытаясь уследить за полетом мысли Шэнь Цинжана:

— И когда ты это вздумала?

«В тот день, когда мы спустились с горы, а ты со мной не разговаривал. Мне было ужасно скучно, и я увидел, что на заднем дворе растут грибы. Слыхал, будто грибы лучше растут без света, вот и перетащил их вместе с землей в комнату», — писал Шэнь Цинжань, полный раскаяния. — «Но они так завоняли...»

Так завоняли, что аж нос ломит!

Шэнь Цинжань почесал свой носик.

Неудивительно, что в те дни Шэнь Цинжань без конца запирался у себя и неизвестно чем занималась. Сюэ Фэйфэн-то грешным делом думал, будто та так бастует против его запрета на работу в поле.

— Да когда это я с тобой не разговаривал? — попытался оправдаться Сюэ Фэйфэн.

Шэнь Цинжань: «Ты не хотел смотреть на мои губы и разбирать слова, а я ведь несколько раз пытался заговорить!»

Сюэ Фэйфэн тогда сам был в сердцах, разве мог он подмечать каждое едва заметное движение Шэнь Цинжана? Впрочем, это и впрямь был его огрех:

— Прощу прощения, я был неправ.

Он достал из-за пазухи стопку купчих на землю:

— Это тебе.

Шэнь Цинжань взял стопку и принялся листать бумагу за бумагой. Чем дальше он смотрел, тем больше у него поджимались губы от изумления: лучшие земли провинции Миньчжоу, причем некоторые прямо неподалеку от деревни Лицзяцунь!

Неужто Сюэ Фэйфэн вчера ночью отправился грабить какого-то богатого помещика?

В голове Шэнь Цинжана тут же ярко нарисовалась картина того, как он носит Сюэ Фэйфэну передачи в тюрьму.

Сюэ Фэйфэн не краснея сочинил на ходу:

— Я знаком с одним помещиком... тем самым торговцем, что раньше скупал у нас снадобья. Он на днях покидает Миньчжоу, вот и доверил свои уголья мне на хранение на пару лет.

Шэнь Цинжань окинул Сюэ Фэйфэна внимательным взглядом: вид честный, благородный, да и боевыми искусствами владеет отлично — такой человек и впрямь заслуживает доверия.

А помещик-то не промах, разбирается в людях! Надо будет потом подарить ему арбуз без косточек.

Шэнь Цинжань от всей души мысленно похвалил этого невероятно богатого помещика.

Сюэ Фэйфэн запнулся и с невозмутимым видом добавил:

— Весит он под девяносто килограммов, весь расфуфыренный, а волосики на голове будто накладные.

Один только меч из черного железа, с которым обычно не расставался Му Вэнькоу, весил добрый десяток кило, так что вместе с ним выходили аккурат девяносто килограммов. На каждом наряде Му Вэнькоу вышиты скрытые узоры, а волосок к волоску уложен с безупречной педантичностью.

Сюэ Фэйфэн посчитал, что его описание получилось чрезвычайно наглядным и правдивым.

Шэнь Цинжань кивнул: для пятидесятилетнего помещика иметь странные эстетические вкусы — дело житейское.

Он недовольно покрутил носом. Из-за его белоснежной, почти прозрачной кожи покрасневший кончик носа выглядел особенно жалостливо и мило — сразу видно, что последние дни ему приходилось слишком долго закрывать лицо платом.

Сюэ Фэйфэн опустил перед ним на одно колено, обхватил Шэнь Цинжаня за голень и снял с него сапожки. Подошвы были сплошь измазаны гнилой жижей — мокрой и вонючей; от спальни до зала через весь пол тянулась цепочка грязных следов.

Сюэ Фэйфэн и бровью не повел, даже дыхание его не сбилось: он подхватил Шэнь Цинжань на руки, пронес прямо в свою комнату и опустил на кровать:

— Отдыхай, я сам всё выгребу.

Уловив краем глаза аккуратно сложенную на полу постель, Сюэ Фэйфэн не сдержал теплой улыбки в глазах:

— В твоей комнате спать теперь нельзя. Отныне будешь ночевать у меня.

Другого выбора все равно не оставалось, так что Шэнь Цинжань благовоспитанно кивнул. Увидев, что Сюэ Фэйфэн собирается уходить, он сгоряча потянулся к нему и чуть не скатился с кровати.

— Что такое? — спросил Сюэ Фэйфэн.

Шэнь Цинжань указал пальцем на себя: «Я сам со всем справлюсь». Сюэ Фэйфэн вернулся весь в пыли с дороги, и любой дурак догадался бы, что он спешил к нему на день рождения. Нельзя же заставлять его вкалывать прямо с порога!

Сюэ Фэйфэн похлопал Шэнь Цинжана по плечу. В его глазах Шэнь Цинжань была капризной в еде точно небесный небожитель — с чего бы ей пачкать руки о такую грязь?

Шэнь Цинжань не смог его переспорить, а потому лишь накатал наказ: «Не выбрасывай в реку и не оставляй под прямым солнцем! Лучше всего выбросить в тенечке под деревом, где хорошо продувает ветерок».

Пусть грибы и превратились в неpotребную жижу, но большая часть мицелия еще даже не успела дать урожай! Баллы нельзя просто так разбазаривать.

Шэнь Цинжань экономно рассудил, что нужно извлечь максимальную пользу.

— Ладно, — согласился Сюэ Фэйфэн, затворил дверь и кликнул Чан Мина. Вдвоем они выгребли и наполнили гнилой жижей целых две большие корзины.

— Найди какое-нибудь раскидистое дерево и высыпь под него, — с отвращением глянув на бамбуковые корзины, Сюэ Фэйфэн передал Чан Мину мысленное послание: — И корзины эти тоже выбрось. Я привязал Юйцуна на прежнем месте, закончишь — сходи и заberi коня.

Сюэ Фэйфэн натаскал воды и принялся мыть полы. Однако, взглянув на кан, где раньше спал Шэнь Цинжань, он внезапно изменил решение и вынес ведро наружу.

Пусть себе воняет.

Решив действовать на опережение, Сюэ Фэйфэн собрал вещи Шэнь Цинжана, чтобы переложить их в шкаф в своей комнате. Но едва он глянул на стул, как обомлел: там кучей лежало одеяние многодневной давности, которое никто и не думал стирать!

Шэнь Цинжань не стирал вещи вовсе не из вредности. В те дни, когда они ссорились с Сюэ Фэйфэном, тот запрещал ему хоть палец о палец ударить — сам накладывал рис, подкладывал еду в пиалу, мыл посуду... Разве что в рот с ложечки не кормил. У Шэнь Цинжана еще не зажили содранные ладони, и он боялся, что если Сюэ Фэйфэн застанет его за стиркой, то снова кинется помогать.

Вот и складировал потихоньку одежду, намереваясь постирать всё, когда Сюэ Фэйфэн уедет.

А за последние два дня с этой бедой из-за сгнивших грибов такая мелочь, как стирка, и вовсе вылетела у него из головы.

Сюэ Фэйфэн так и не принес Шэнь Цинжаню обувь. Тот сидел на кровати, скрестив ноги, и ждал, пока Сюэ Фэйфэн закончит выгребать грибную жижу и придет к нему. Прошло добрых полчаса, а того все не было — бог весть, чем он там занялся.

«Наверное, так завонялся, что ушел мыться», — подумал Шэнь Цинжань.

Пока ждал, Шэнь Цинжань завалился набок и сам не заметил, как заснул.

Сквозь дрему он почувствовал, как Сюэ Фэйфэн надел ему на шею что-то прохладное на ощупь.

— Я купил тебе ложку и повесил на шею. Когда меня не будет рядом, ешь ей...

Ложку?!

Даже во сне Шэнь Цинжань обомлел от такой новости. Неужели Сюэ Фэйфэн настолько боится,

что он помрет с голоду? Зачем вешать на шею ложку?! Почему бы тогда сразу не нацепить огромную лепешку?!

Сюэ Фэйфэн ведет себя чересчур деспотично! Мало того что обычно он настойчиво пытается впихнуть в него еду сам, так теперь, уезжая, требует, чтобы он ел строго его ложкой! Неужто эта ложка еще и записывает, сколько он съел за день?!

Он ведь не трехлетний капризный ребенок, отказывающийся от каши! Выйти на улицу с такой штукой на шее — это же какой позор!

Избалованный молодой господин почувствовал угрозу своей репутации, а тут еще раздался голос Сюэ Фэйфэна:

— На-ка, опробуй, удобная ли.

В рот ему сунули гладкую, прохладную штучку, и Шэнь Цинжань с досадой прикусил ее зубами.

Палец Сюэ Фэйфэна очутился у Шэнь Цинжана во рту, и тот принялся посасывать и прикусывать его, точь-в-точь как младенец. Сюэ Фэйфэн замер на месте, ощущая, что ему совсем не хочется вытаскивать руку — ведомый порывом сердца, он лишь подался следом за язычком Шэнь Цинжана, дав пальцу скользнуть еще глубже.

То, что Шэнь Цинжань считал яростным укусом, Сюэ Фэйфэну принесло не боль, а щекочущую сладость, взбудоражившую мысли — ему до безумия захотелось позволить себе куда более дерзкие вольности.

Шэнь Цинжань сердито распахнул глаза и скосил взгляд вниз. Все пропало! Неужели он укусил Сюэ Фэйфэна до крови?!

Кусать пальцы... Теперь-то уж точно закрепится клеймо прожорливого глотателя!

Он поспешно разжал губы, позволяя Сюэ Фэйфэну вытащить палец. Вместе с этим изо рта выпала изящная вещица из полупрозрачного нефрита; она висела на красном шнурке и покачивалась на его груди.

Шэнь Цинжань опустил голову и обомлел: какая еще ложка?! Это же свисток!

«О чем моя голова вообще думает каждый раз, когда я сплю?!»

Шэнь Цинжань склонил голову, обнажив белесый, шелковистый загривок, и от смущения не смел поднять глаза на Сюэ Фэйфэна.

Сюэ Фэйфэн и сам смутился: он опасался, что если задержит на ней взгляд еще хоть на секунду, то не сдержится и поцелует.

Шэнь Цинжань помедлил немного, а затем подался вперед и бережно отер слюну с пальца Сюэ Фэйфэна. Сжав маленькую нефритовую свистульку, он вытер ее о край одежды, прижал к губам и изо всех сил дунул.

Чистый, звонкий свист мелодично отдался под потолком и разнесся эхом по округе, словно трель иволги.

«А штука-то удобная!»

Шэнь Цинжань не удержался и свистнул еще пару раз, почувствовав себя учителем физкультуры на школьном стадионе — экая внушительная гордость!

— Впредь, если что случится, свисти в него. Как только услышу — тут же примчусь.

Шэнь Цинжань снял свисток и принялся вертеть его в руках. Вдруг брови его насупились: нефрит?!

«Опять транжиришь деньги, а?!»

Он сердито уставился на Сюэ Фэйфэна: неужели нельзя было обойтись обычным деревянным или бамбуковым свистком?!

Сюэ Фэйфэн на голубом глазу честно соврал:

— Два ляна.

Шэнь Цинжань даже слова от такой наглой лжи вымолвить не смог: «Ты меня правда за деревенскую бабу держишь?!» Пусть он не тонкий знаток ювелирного дела, но матери не раз покупал изделия из нефрита и жадеита в подарок, так что отличить ценную вещь от дешевки уж точно способен!

Сюэ Фэйфэн прокашлялся и отвел взгляд.

Тембр у этого нефритового свистка был поистине особенным. Сюэ Фэйфэн специально заказал его у лучшего резчика по камню в стране, выбрав драгоценнейший нефрит, чтобы звук идеально подражал пению птиц. Когда Шэнь Цинжань дунул в него, эта мелодия навсегда въелась в память Сюэ Фэйфэна, отпечатавшись в самой крови. И отныне, какой бы шум ни стоял вокруг, пусть играют цитры, пипы и зальются тысячей свистов другие свистки — если Шэнь Цинжань позовет его, Сюэ Фэйфэн в пределах своего слуха безошибочно узнает именно этот, единственный в своем роде звук.

Вот это и был тот самый подарок, который он искренне хотел преподнести Шэнь Цинжаню на день рождения.

Сюэ Фэйфэн заправил свисток Шэнь Цинжаню под одежду:

— Смотри, не разбей.

Были у него и скрытые, тайные помыслы: когда на шее висит такая безумно дорогая вещь, Шэнь Цинжань впредь не станет бездумно носиться по полям и грязи. По крайней мере, больше не грохнется на Каменистой горе так, чтобы все лицо было в синяках.

Снаружи все еще отмокал таз с грязной одеждой. Сюэ Фэйфэн велел Шэнь Цинжаню спать дальше, а сам ушел на улицу стирать.

И обувь Шэнь Цинжаню он, разумеется, так и не принес.

Картина до боли знакомая!

Разве не точно так же сам Шэнь Цинжань когда-то украдкой унес костыли Сюэ Фэйфэна?! Шэнь Цинжань, за плечами которого числилось немало подобных «проступков», недоверчиво покрутил глазами: а чем это Сюэ Фэйфэн занят снаружи?

Он босиком спустился на пол, крадучись подобрался к двери, прильнул к щели и глянул во двор — и щеки его мгновенно вспыхнули пунцовым, словно раки в кипятке.

Сюэ Фэйфэн стирал его одежду!

Включая тот самый дуду, который он надевал чисто для вида!

Шэнь Цинжань, сгорающий от стыда, со всей дури дунул в свисток: «Сейчас же брось эту вещь!»

Сюэ Фэйфэн замер:

— У тебя ладони еще не зажили, так что пока я сам буду стирать твои вещи.

Шэнь Цинжань босиком кружил вокруг Сюэ Фэйфэна, надувая щеки и заходясь в свисте, точно это был сигнал к атаке:

«Не смей стирать мою одежду!»

Сюэ Фэйфэн вздохнул. И как это он забыл, что Шэнь Цинжань начнет дудеть без разбору? Раньше необоснованные капризы Шэнь Цинжаня можно было проигнорировать, а теперь тот и вовсе страх потеряет!

Он принялся устанавливать Шэнь Цинжаню правила:

— Один короткий свисток — значит, проголодалась. Два — тебе нужна моя помощь. Один длинный и один короткий — ты в опасности...

Шэнь Цинжань осекся, почувствовав легкий укол обиды. Самый простой сигнал — и это «проголодался»?!

Что за дрессировка щенка?!

Неужели в глазах Сюэ Фэйфэна жратва для него — самое главное дело в жизни?!

Шэнь Цинжань издал долгий, унылый свист, выражая протест.

Сюэ Фэйфэн уже возвел этот свист в высшую степень боевой тревоги. Стоило Шэнь Цинжань дунуть в свисток, как у него срабатывал рефлекс, ставивший любое дело Шэнь Цинжань на первое место, а всё остальное вылетало из головы.

Это была исключительная, превосходящая любые другие обстоятельства, совершенная в своей эгоистичности готовность — исключительно ради того, чтобы прийти на выручку Шэнь Цинжань в ту же секунду, если та попадет в беду. И Сюэ Фэйфэн ни за что не ослабил бы эту бдительность.

Вот только сейчас генералу требовалось со всем усердием стирать одежду, дабы снова не порвать тонкую ткань.

Сюэ Фэйфэн отобрал свисток:

— Отдам, когда сядем обедать.

Но он не стал объяснять Шэнь Цинжаню причину. Сюэ Фэйфэн хотел, чтобы Шэнь Цинжань

каждый раз свистела без всякого стеснения и давящих рамок, просто в свое удовольствие — пусть даже для того, чтобы позвать его надеть сапожки.

Шэнь Цинжань притих. От скуки он принялся перебирать в пальцах длинные волосы Сюэ Фэйфэна, как вдруг на него сошло озарение, и он понял, почему Сюэ Фэйфэн запрещает ему свистеть просто так.

«Спасибо тебе», — вывел он на спине Сюэ Фэйфэна.

Спина Сюэ Фэйфэна застыла, а по коже головы пробежала сладостная дрожь.

«И когда только Шэнь Цинжань избавится от этой привычки писать прямо на мне?!»

Уж лучше бы в свисток свистела.

<http://bllate.org/book/17933/1989763>